

Каншаем Айтмухамбетова

Каникулы

Каншаем Карисовна Айтмухамбетова

Каникулы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29600881

SelfPub; 2018

Аннотация

Сердце молодого юноши наполнено до краев страстной любовью к красивой зрелой женщине. В борьбе со смертью, преодолевая природную стихию, как помогут ему чувства спасти "висящую на волоске" жизнь?

Каникулы

Он шел, с трудом передвигая ноги, словно они были налиты свинцом, и единственное желание, владевшее его сознанием и плотью, это лечь на липкий белый снег под ногами и сомкнуть такие же липкие тяжелые, белые веки. Но он нес вперед свои свинцовые ноги, потому что знал – иначе нельзя. Не было на свете ничего, ни солнца, ни земли, ни воздуха, только заунывно свистящий ветер и кружащий мелкий, маслянистый снег. И если он остановится, перестав сопротивляться ветру – единственному повелителю, который не попутный и не встречный, а игривый и своею игрою кружит и кружит. И если остановится, этот всемогущий повелитель закружит его своею игрой, оставив под этим маслянистым снегом навсегда. Он уже и не знал, сколько времени длится эта борьба с невидимым врагом за свою жизнь. А борьба то лишь в том, чтобы не поддаться соблазну прилечь или не упасть на манящий мягкий снег. Только на какое-то короткое время он, спустившись в низину, в которой бушевал сквозной ветер, который душил своими порывами, растянул уставшие ноги.

Он шел в своём маленьком замкнутом пространстве, окруженный плотной белой стеной, окутывавшего его маслянистого снега, в сопровождении единственного попутчика, хлеставшего его со всех сторон безудержными порывами, ветра. И только его мысли раздвигали границы этого

замкнутого тугого пространства, перенося в безграничный мир Жизни.

«Дедушка, прости! Я ослушался тебя, не внял твоим словам. Ты ведь говорил, что у настоящего охотника должны быть азарт и чутьё в равной степени и, если одно из них превалирует, то быть беде. Вот видишь, я потерял бдительность, и чутьё меня подвело, я пренебрёг знаками непогоды и теперь блуждаю в этой кромешной белой пустоте, борясь со смертью. И ещё, дедушка, я потерял твоё ружьё, с гладкой, как шёлк, рукоятью, до блеска отшлифованной твоими руками, а его дуло, словно живое, несло твоё дыхание». И затаив дыхание, как это делал его дед перед выстрелом, он почувствовал слезы на глазах, как две свинцовые пули, обжигающие его лицо холодом металла и нестерпимым огнём боли. «О! Омирбек мальчик мой, то, что тебе не додал я, то чему не научил, тебе даст и научит Жизнь. Это и есть её смысл», – вторил мыслям внука дед.

Вдруг его нога провалилась в толщу снега, который стал другим, не таким тугим и маслянистым, а мягким и воздушным. Под ногами появился треск от ломающихся сухих веток, руки тоже стали натываться на сухие сучья, временами больно хлеставшими по лицу. Он пригляделся и понял, что заходит в лес. Деревья плотной грядой загораживали путь ветру, и его свист грозных порывов превращался в плач, переходящий в писк, а потом вовсе стих. Омирбек обессиленный плавно опустился у ствола большой сосны, вытянул но-

ги, огляделся. Кругом была тишина, с верхушек высоких деревьев неспешно падал мелкий снег, и казалось, что он не доходя земли, так и повисал в воздухе, как взвесь снежного тумана. Нельзя было понять, это пасмурный день или светлая лунная ночь. Омирбек не знал леса, не понимал этой тишины, она его настораживала, и он решил не идти дальше вглубь, а передохнуть здесь, чтобы потом найти выход. Ведь он вырос в степи, с измальства дед его брал с собой на промысел, ему был понятней свистящий вольный степной ветер, простор, он знал степных животных, степной запах, степные приметы. Но здесь ему нравилось, он чувствовал спиной твердую надежность ствола дерева, на которое опирался, чувствовал его манящий смолистый аромат, он лизнул жесткую шершавую рыжую кору дерева, вкус был горьковат и вязок. «Нет, это всё равно не полынь», – подумал он. «Нельзя здесь надолго задерживаться. Это обманчивый отдых, нужно двигаться дальше», – говорил он себе. Но холод и голод делали свое дело, усыпляя его.

«Амирхан мой сыночек», – звала его мать, маня ласками нежных теплых рук. После рождения, когда мать впервые взяла его на руки, прошептала.

– Ты пришёл ко мне, мой Амирхан.

Но отец, услышав, как мать нарекла новорожденного сына, сильно возмутился.

– Амир – это повелитель. Кем ты хочешь, чтобы он повелевал? Пусть лучше будет хозяином своей жизни! – И дал сыну имя Омирбек, но мать вопреки всем и всему его звала Амирхан.

Однажды уже, будучи подростком, он спросил у деда.

– Ата, почему мама единственная зовёт меня Амиром?

Дедушка криво улыбнулся и ответил.

– Наверно, потому что ты и есть повелитель её сердца, – потом призадумавшись, добавил, – Когда женщина не находит в жизни настоящей истинной любви, она рождает сыновей и всю любовь отдаёт им.

– А это значит, мама не любит отца? – не унимался уже далеко не маленький Омирбек.

– Любит, – безапелляционно ответил дед, – Но как, знает только её сердце.

– Материнская любовь, словно безграничный океан, может, связав по рукам и ногам, забрать в темную глубокую пучину, а может, как на руках качать на волнах, грея в лучах солнца, одаривая всеми богатствами глубин, и однажды на своих ладонях вынести на обогретый лучами солнца белый теплый прибрежный песок. Материнская любовь – есть начало всякой любви!

Звонкий смех матери звенел, как степные колокольчики, а руки вели по белому ромашковому степному ковру и только кое-где распустились красные маки. Легкие дуновения ветра срывали нежные алые лепестки маков, рассыпая их на бе-

лой глади ромашкового поля, словно дикое раненое животное оставляло капли свежей крови на чистом полотне белого снега.

Омирбек открыл глаза, какой-то белый маятник нервно дергался в нескольких метрах от него, какое-то неуловимое движение и две пары глаз застыли друг против друга, скованные ужасом испуга. Он выхватил подаренный дедом охотничий нож, метнув его впереди себя, только услышал, как тот разрезает остриём металла воздух. И снова услышал голос деда.

– Омирбек, держи, это твой охотничий нож. Полюби его и однажды он станет для тебя и отцом и матерью, потому что может настать момент, когда он подарит тебе новую жизнь.

– А он не легкий, – отвечал он деду, взвешивая в руках подарок.

– Стоящий нож не должен быть легким или тяжелым, не в этом его ценность. Стоящий нож должен быть верным. Со временем ты научишься оценивать силу и расстояние и тогда ты почувствуешь его верность!

Омирбек открыл глаза. Перед ним была всё та же взвесь снежного тумана, сквозь гущу которого невозможно было разобрать день или ночь. Он попытался подняться на ноги, но они его не слушались, пришлось ползти на четвереньках вперёд. Услышав знакомый с детства, звук горлового хрипа раненного животного, он вскочил на ноги и побежал на звук. В ветвях кустарника из последних сил, рефлекторно дергая

задними ногами, лежал маленький оленёнок. Рукоять ножа торчала из горла маленького животного, у основания которого пузырями пульсировала кровь. Омирбек встав на колени у несчастного, такого же, как он сбившегося с пути и оторванного от матери детёныша, в глубине глаз которого еле теплилось дыхание жизни, припал губами к ране. Теплая вязкая сладковатая на вкус кровь животного, разливаясь внутри человека, передавала ему тепло и жизнь. Сделав несколько маленьких глотков, он огляделся кругом, тихий вой ветра, доносящийся сверху, напомнил об опасности, которая может быть быстрой и неминуемой. Он достал из-за спины мешок, легко запихнул в него свою добычу и быстро пошёл прочь. Ноша была не тяжела, оленёнок, наверное, кроме материнского молока ещё ничего в жизни не знал. Выбравшись из леса, Омирбек вновь встретился со своим верным путником – свистящим и кружащим ветром. Он решил идти по окраине леса, не теряя из виду кустарниковую поросль, определяющую границу между лесом и кружащую в вихре степь. Подняв голову к небу, но, так и не увидев там ничего, он подумал: «Создатель, у Тебя нашлись другие дела помимо нас и Ты на время нас оставил без присмотра, а может Ты заболел и Тебе некому подать стакан воды, а может Ты влюбился и сейчас занят только предметом своей возжеленной любви. Когда Ты вспомнишь о нас и рассеешь этот крошечный ад вихря, увидишь слёзы моей матери, потерявшей меня, и безутешные слёзы матери, потерявшей навсегда своего молоч-

ного детёныша, которого я несу, прижав к своей груди, забирая себе его тепло и жизнь, БУДЕТ ЛИ ТЕБЕ СТЫДНО?». Он брёл, цепляя руками, кончики ветвей и мысли о превращениях жизни и неизбежности смерти брели вместе с ним в его чуть просветлевшей голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.